

Караев Эдуард Таймуразович

кандидат политических наук,
ассистент кафедры гуманитарных дисциплин
СУНЦ МГУ им. М.В. Ломоносова

РОЛЬ ЗАКОНА В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ ШАН ЯНА

Аннотация. Данная статья посвящена анализу роли закона в рамках легитской концепции Шан Ян. Именно Шан Ян стал разработчиком легизма как целостного, структурированного учения. Системообразующим аспектом его политико-правовой концепции стал закон, перед которым все, независимо от социального статуса и знатного происхождения, должны быть равны.

Ключевые слова: Легизм, Шан Ян, правовая наука, закон, право, политика.

В середине прошлого столетия китайский историк, профессор Кантонского университета Ян Юн-го, оценивая роль учения Шан Яна, пришел к выводу о главном смысле легистских реформ. Реформы Шан Яна как апологета правового государства привели к абсолютному уравниванию всего населения Поднебесной перед законом, что, несомненно, вызвало огромное недовольство со стороны аристократии [4, с. 402].

Убежденность Шан Яна в неотвратимости глобальных изменений в правовой плоскости подкреплялась им исторической аргументацией. Нельзя не согласиться с мнением Л.С. Переломова, что Шан Ян понимал несостоятельность отживших себя норм регулирования общественных отношений и что крайние меры были обусловлены новыми задачами государства. В эпоху повсеместной замены норм обычного права государственными законами и создания регулярной армии уже невозможно было править по-старому, ни одно государство не могло отказаться от функции принуждения [3, 105]. Несомненно, поддерживать и укреплять законность, воспринимаемую общественностью как нечто чуждое устоявшемуся мировоззрению, иначе как рукой жесточайшего диктата невозможно было реализовать. Насколько народ уважает, боится, не прекословит правителю, настолько же он преклоняется перед законом. Требование к народу – подчиняться закону, требование же к закону – быть предельно ясным, четко и корректно сформулированным. Смысл закона должен быть понятен для человека с любым уровнем образования. Подробно по пунктам о том, какие требования выдвигаются к закону, повествует последняя глава «Шан цзюнь шу». Во-первых, чиновник – толкователь закона – должен наизусть заучить законы, с тем чтобы без промедления истолковать закон для любого человека, обратившегося к нему для разъяснений. Во-вторых, чиновники – толкователи – должны ввести строгую отчетность по обращениям к ним. Должна быть зафиксирована дата обращения, название закона, которое они разъяснили. В-третьих, изменение хотя бы одного иероглифа в законе должно караться смертной казнью. В-четвертых, один экземпляр каждого закона должен храниться во дворце правителя в отдельном строго охраняемом помещении. В-пятых, правитель назначает трех высших чиновников – законников, одного – в ведомство дворца, обслуживающее личные нужды царя, второго – в ведомство, осуществляющее надзор за работой всего административного аппарата, и третьего – к первому советнику правителя [3, с.105].

Одним из ключевых моментов в плане функциональной нагрузки законов является четкая регламентация нормативных предписаний и превращения их в непререкаемый авторитет. Ведь успеха в ведении государственных дел можно добиться даже не обладая совершенной мудростью, нужны лишь совершенные законы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что связь между внедрением законов и унификацией регламентов, мер и весов, в понимании Шан Яна прослеживается не только в функциональном, но и в семантическом поле. Это в своем труде «Личность и власть в древнем Китае» отмечал В.А. Рубин: термин «фа» фигурировавший в древних источниках в значении «закон», уже к IV веку до н.э. в

большей степени выступал в новом значении – «модель», «образец», «стандарт» [2, с. 46]. И в этой связи концепция наград и наказаний весьма органично вплелась в концепцию Шан Яна в качестве регламента поведения.

Говоря о создании нормативно-правовой базы для регулирования общественных отношений, Шан Ян видел одну из главных задач в упорядочивании регламента наказаний и выдачи наград. И поэтому в том, что легисты выбрали именно термин «фа» в качестве обозначения системы поощрений и наказаний, проявилось их стремление к тому, чтобы в дальнейшем единственной нормой поведения, регулятором общественных отношений стал закон, фиксирующий награды и наказания.

Ряд ученых придерживается мнения, что легистский закон имел некоторые черты, характерные для законности в современном понимании этого слова. В качестве доказательства они ссылаются на то, что закон был обязателен для всех, не различая ранги и сословия. Правитель нес такой же ответ перед законом, как и бездомный. Нидерландский синолог Я. Дёйвендак подкреплял свою аргументацию обязательности закона тем, что он публиковался для всеобщего сведения [6, с. 89].

Большинство отечественных китаеведов придерживается точки зрения Я. Дёйвендака. В.А. Рубин придерживается кардинально противоположной точки зрения, нежели Я. Дёйвендак, хотя бы на том основании, что предназначение легистского закона, по его мнению, заключается в том, что он служит деспотической власти, а не в том, чтобы ее ограничивать. Выработанный легистами в полемике с конфуцианцами тезис онеотвратимости изменения законов представлял собой удобную теоретическую базу для упразднения стеснявшего деспота документа. В.А. Рубин склоняется в сторону французского китаиста Л. Вандермерша, считавшего, что: «Государство – машина, которая сама по себе не имеет никакого смысла. Ее смысл проистекает из того, что она функционирует ради какой-то высшей цели. Не поняв, что общее дело или отечество может быть такой целью, легисты продолжали поляризовать государство на правителя ... Легизм упирается в своего рода чистый этатизм, в котором не было бы никакого смысла, если бы его не поддерживал минимум ценностей, который легисты...сохранили от традиции, не сумев создать в этом плане ничего нового» [5, с. 180]. Подобной позиции придерживался и В.С. Нерсесянц: «По сути дела, закон выступает здесь лишь как голая приказная форма, которую можно заполнить любым произвольным содержанием (повелением) и снабдить любой санкцией. Причем законодатель, согласно Шан Яну, не только не связан законами (старыми или новыми, своими), но даже восхваляется за это: «Мудрый творит законы, а глупый ограничен ими»» [1, с. 36].

В деле установления верховенства закона у легизма не было иного выбора, кроме упразднения иных любых регуляторов общественных отношений. С неимоверной пылкостью и фанатичной убежденностью в идее усиления роли государства легисты отдавали закону вожди государственного управления. Государство должно быть монополистом в законодательстве и, по логике Шан Яна, единолично устанавливать нормативные регуляторы. Шан Ян как политик четко понимал, что, руководствуясь стремлением отвести закону главенствующую роль в правовой системе, необходимо разрушить старые нормы и заменить их новыми механизмами, способствующими отлаженной работе государственной машины. Однако следует отметить, что ни в одной из глав «Шан цзюнь шу» Шан Ян не призывает к полному искоренению всех иных регуляторов и уничтожению конкурирующих идеологий. Да и уничтожения их не требовалось

Список литературы:

1. История политических и правовых учений: учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. М., 2004.
2. Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. М.: «Восточная литература» РАН, 1999.
3. Шан Ян. Книга правителя области Шан / пер. с кит. Л.С. Переломова. – М.: Рипол классик, 2017.

4. Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии. М., 1957.
5. Vandermeersch L. La formation du légisme. Paris, 1965.
6. Duyvendak J. J. L. The Book of Lord Shang. L., 1928

